

В прошлый раз я умер в двадцать девять лет, за дверью съемной квартиры, в ту самую секунду, когда Чжун Цзинь выломал дверь и рухнул передо мной на колени.

Он сказал мне одну фразу, но я не расслышал. Кровь текла с затылка на пол, окрашивая его колени в багровый. Он стоял на коленях, его губы шевелились, но в моих ушах шумело лишь собственное сердцебиение — все медленнее, все слабее, будто кто-то закрывал кран в соседней комнате. В последнюю секунду я увидел его карие глаза. В этом взгляде было то, в чем я не осмеливался признаться себе целых десять лет, и я понял это лишь умирая.

А затем я проснулся.

Распахнув глаза, я увидел над головой потолок второго класса второго года старшей школы Шэнхэ. Вращался потолочный вентилятор, и на третьей лопасти виднелась трещина — точь-в-точь как в воспоминаниях. Камфорное дерево за окном укрывало половину беговой дорожки густой темно-зеленой тенью. В воздухе витал вчерашний запах меловой пыли и свежего ремонта.

Я опустил взгляд на свои руки — руки восемнадцатилетнего парня, суставы еще не деформированы, под ногтями нет ржавчины со складов логистического парка. На втором суставе указательного пальца правой руки крошечная родинка; в прошлой жизни я забыл, как она выглядела, а теперь она вернулась.

Я выжил. Вернулся на третий день летних дополнительных занятий за второй год старшей школы. Вернулся в то время, когда еще не запер себя в той съемной квартире.

В конце класса редко рассаживались пять человек. Третий день учебы, большинство еще дремало. Место передо мной пустовало, а чуть впереди, у окна, тоже было свободно — это парта Су Цзинь. Через три минуты она толкнет дверь, ее хвост будет завязан ниже обычного, а глаза — чуть покрасневшими. В прошлой жизни я думал, что она проспала, и лишь потом узнал, что тем утром ее мать в телефонном разговоре завела речь о договорном браке.

В прошлой жизни я ничего не знал. В этой жизни через три минуты она толкнет дверь, а я ничего не спрошу — как и тогда. Разница лишь в том, что теперь я знаю, почему она плачет.

Я перевел взгляд на третий ряд у двери. Там сидел человек в белой рубашке, с карими глазами, опустив голову и листая высшую математику — университетский учебник. Он дошел до седьмой страницы: указательный палец левой руки прижимал корешок, правая сжимала механический карандаш, и грифель едва заметно коснулся бумаги. Затем он перевернул страницу на восьмую — и сразу перелистнул дальше. Он замер на полсекунды, вернул страницу назад, а пальцы скользили медленнее обычного ровно на один счет.

Чжун Цзинь.

В прошлой жизни, когда он просматривал мои работы на учительском столе, движение было

точно таким же: посмотрит на лицевую сторону две секунды, на обратную — две секунды, захлопнет и положит на самый край стола, не смешивая с чужими тетрадами. Я сидел на последней парта, притворяясь, что не замечаю его, но украдкой разглядывал поверх края тетради целый год. Я знал его привычку листать книги, знал, что он пользуется механическим карандашом, а не шариковой ручкой, и знал, что в минуты сомнений его грифель легонько постукивает по бумаге.

Все то, на познание чего в прошлой жизни ушло три года, в этой жизни оказалось в моей голове с первой же секунды пробуждения. Потому что в прошлой жизни он выломал дверь съемной квартиры, упал передо мной на колени и произнес фразу, которую я за всю жизнь от него не слышал. А после я оказался здесь, и он на третьем ряду перепутал страницу.

Он перепутал ее, потому что кто-то за ним наблюдал — он нервничал. Но в то время в прошлой жизни он даже не знал моего имени: последнее место в рейтинге не стоило того, чтобы лучший ученик потока запоминал его. Он не должен был нервничать. Если только он тоже что-то помнил. Если только он, как и я, не застрял между двумя временами, не зная, как встретиться лицом к лицу с тем, кто в прошлой жизни умер за дверью.

Чжоу Су толкнул дверь, прижимая подмышкой стопку тетрадей. Задремавшие тут же дружно выпрямились. Проверочный срез — он положил тетради на первую парту; не экзамен, просто проверка того, что осталось в головах с прошлого семестра.

Тетрадь за тетрадью передавали назад. Я взял свою и бросил взгляд на первый вопрос — область определения функции. В прошлую жизнь я оставил его пустым, не потому что не умел решать, а потому что текст был слишком длинным: дочитав до третьей строки, я забывал первую. В этой жизни мне хватило прочитав один раз, чтобы узнать ответ. Я не стал умнее — просто в прошлой жизни Чжун Цзинь в той съемной квартире объяснял остывающему телу три способа решения этой задачи. Я не понимал, зачем он рассказывал все это мертвецу, но теперь знал: то были слова, которые он готовился сказать целых десять лет. Десять лет он не знал, как подступиться, а когда наконец решился, я уже ничего не слышал.

Поэтому в этой жизни я взял ручку и написал ответ на первый вопрос, потом на второй, на третий. Эти ответы он сам вложил в мою голову в прошлой жизни, я лишь возвращал их ему обратно.

Когда работы собирали, сидевший слева от меня парень подался вперед, бросил взгляд на исписанный мелкими строчками бланк, приоткрыл рот и тут же захлопнул — он, видимо, размышлял, с чего бы это вечному двоечнику с конца списка вдруг внезапно заполнить всю контрольную. Я не знал его имени; за три года прошлой школы мы так и не познакомились, и дело было не в плохой памяти — я просто не смел запоминать, боясь, что в ответ меня тоже спросят по имени. Последнее место не заслуживало того, чтобы его запоминали.

Чжоу Су принялся объяснять стандартное уравнение эллипса. Слушая его, я с удивлением понял, что успеваю за каждым шагом. Задача, которую Чжун Цзинь разбирал в съемной квартире, походила на ключ: уравнения эллипсов, тригонометрические функции, монотонность — все эти понятия в прошлой жизни казались мне обрывками, а теперь выстроились в ряд. Не

я учился — это он в последние две минуты прошлой жизни втиснул в меня все знания, а после толкнул назад, позволяя закончить то, что он не успел.

Прозвенел звонок с урока. Выходя из класса, Чжоу Су задержался в дверях:

— Чжун Цзинь, утром олимпиада по симуляции — не опаздывай.

Чжун Цзинь коротко угукнул. Он собрал сумку и прошел мимо меня, манжет его белой рубашки находился от края парты меньше чем в десяти сантиметрах. В тот же миг повеяло еле уловимым ароматом травы — точь-в-точь как тогда, когда он прижимал меня к себе и плакал в углу класса. Я не поднял головы, пальцы крутили ручку. А опустив взгляд, заметил в выдвижном ящичке парты нечто новое — пачку бумажных салфеток в нежно-голубой упаковке, самую дешевую из тех, что продаются в любом магазине по два юаня за штуку. Ни записки, ни подписи.

Я достал салфетки. В один из дней первого года старшей школы я провалил экзамен и уткнулся лицом в парту; он прошел мимо, оставил пачку салфеток и ушел. Это было первое бескорыстное проявление доброты на моей памяти. Позже я покупал салфетки той же марки на протяжении десяти лет, а на десятый год долго стоял перед полкой в круглосуточном магазине, думая, не пользуется ли он точно такими же в каком-нибудь другом городе.

Я взял пачку и встал. У выхода из класса Чжун Цзиня окликнула Су Цзинь, он повернул голову, слушая ее, уголки его губ дрогнули — не улыбка, а ожидание. Ожидание, пока Су Цзинь договорит и он сможет идти. Затем он бросил взгляд вглубь класса. Не на Су Цзинь — на меня. Через пять рядов парт и стульев, в этих карих глазах сквозило нечто такое, что я не мог расшифровать все десять лет прошлой жизни. Теперь я понимал: это страх одного человека перед тем, что другой может сломаться, смешанный со страхом оказаться рукой, которая нанесла удар.

Я подошел к нему и вложил пачку салфеток прямо в ладонь — не вернул, а положил на кожу, мои пальцы скользнули по его ладони. Его пальцы едва заметно сжались, но он не отдернул руку.

— Я знаю, это ты.

В этих четырех словах его зрачки сузились меньше чем на секунду. Затем он опустил голову и спрятал салфетки в карман. Манжет рубашки задрался, обнажив на внутренней стороне запястья слабый след старого шрама — в прошлой жизни в отеле я нащупал его, думая, что он поранился случайно, и лишь позже узнал, что это мать разрежала ему запястье канцелярским ножом в кабинете семьи Шэнь. Когда Шэнь Юэшань обнаружил это, кровь уже запеклась, а шрам затянулся. Под стать самому человеку: рана высохла, значит, о ней больше не говорят.

— Что ты знаешь?

Голос звучал ровно, но костяки пальцев, сжимавших салфетки в кармане, побелели. Он ждал ответа — не потому, что хотел услышать нечто неведомое, а потому, что сам готовился услышать.

Я ничего не ответил. Повернулся и вернулся за парту. Некоторые слова не нужно произносить в эту секунду — он уже сказал их, когда перелистнул «Высшую математику» на восьмую страницу и вернул назад; сказал пачкой салфеток в моем ящике парты; сказал шрамом на запястье. Мне было нужно лишь одно: чтобы он знал — я видел. Я видел всё. Вовсе не так, как в прошлые разы, когда меня не было рядом: на этот раз, когда он присутствовал здесь, я тоже был здесь.

После полудня результаты вывесили на стенде у задней стены — с последнего места я поднялся на тридцать первое, отыграв четырнадцать позиций. Проходя мимо парты Чжун Цзиня, я заметил, что его учебник раскрыт на седьмой странице, а на полях прибавилась строчка, написанная легким почерком: Завтра в пять тридцать. Под камфорным деревом.

Ниже я вывел одно слово.

— Хорошо.

Когда я выходил из школы, закатное солнце падало на террасу в конце коридора, окрашивая все вокруг в теплые оранжевые тона. Я не пошел в общежитие — свернул к камфорному дереву. Каменная скамья пустовала, но на ней стояла бутылка минеральной воды, еще холодная, с нетронутой крышкой.

Я присел, отвинтил крышку и сделал глоток. Ледяная. Точь-в-точь как те учебные материалы, что он подкладывал в мой ящик парты, пока меня не было: принес и ушел, не дожидаясь благодарности. Но была и разница: в этой жизни я знал, чьих это рук дело. И он, судя по всему, тоже уже догадывался — я все понял.

В прошлой жизни он умолял меня открыть дверь с той стороны целых десять лет. В этой жизни дверь еще не заперта, и он предпочел оставить бутылку воды под камфорным деревом. Не для того, чтобы услышать заготовленную за десять лет речь, а чтобы самому обрести уверенность и поверить: в этот раз я не умру за дверью. До наступления этого момента каждое утро я буду приходить в класс раньше него, а каждый вечер уходить из-под камфорного дерева позже него. До тех пор, пока он не перестанет путать страницы, до тех пор, пока шрам на его запястье не перестанет прятаться.

Я закрутил крышку обратно и оставил бутылку на каменной скамье. Оставил для него — точно так же, как он оставлял мне всё в прошлой жизни: пока никто не видит, положил и ушел.

Но на сей раз все иначе. Оставляя воду здесь, он наверняка кое-чего не знал: завтра в пять тридцать под камфорным деревом он придет. А я слово за словом верну ему ту самую фразу, с которой он стоял передо мной на коленях в прошлой жизни.

Пусть я пока не знаю, что это за фраза. Но завтра в пять тридцать я ее услышу.

Надежно установив бутылку, я повернул назад в общежитие. У поворота к спортплощадке я на секунду замер — ведь если память меня не подводит, в это самое время в прошлой жизни мать Чжун Цзиня была мертва уже два года. А его дед Шэнь Юэшань, судя по всему, только что заполучил из материалов дорожной полиции тот самый отчет об осмотре машины, которого там быть не должно.

Тот самый отчет в прошлой жизни всплыл наружу лишь спустя десять лет.

В этой жизни я не намерен ждать так долго.

<http://bllate.org/book/19329/1890390>